

Секция «Литературный процесс и журналистика: история, критика, публицистика»
Наука и жизнь у Гоголя: единство художественных и публицистических трактовок

Замыслова Елизавета Евгеньевна

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет журналистики, Москва, Россия

E-mail: elyzavetazamyslova@yandex.ru

В начале 1830-ых гг. Гоголь всерьез задумывался о научной и преподавательской карьере в области истории. Естественно, уже тогда, в возрасте 20-ти с небольшим лет, писатель начал задаваться вопросом о сущности науки, особенно концентрируя свое внимание на соотношении умозрительной деятельности по производству и систематизации знаний с реальной жизнью.

В юношеские годы Гоголь, как и многие представители его поколения, пережил увлечение немецкой идеалистической философией и поэзией, которые проповедовали совершенное отдаление от жизни [3]. Так и гоголевский Ал-Мамун, багдадский халиф IX в. из «Арабесок» (1834), влюблен в науку для нее же самой, не думая о ее цели и применении. Наука, как поэзия у шеллингианцев, признаётся самостоятельной и самодостаточной сферой жизни. При этом в реальной жизни благородные устремления ученого правителя терпят неудачу, причину которой Гоголь видит в том, что Ал-Мамун оказался больше философ-теоретик, нежели философ-практик, каким бы должен быть государь.

В сознании гоголевских персонажей понятие «наука» довольно часто тождественно или, по крайней мере, сопряжено с понятием «философия» (Бобчинский, Тарас Бульба, Кифа Мокиевич и др.). При этом вне художественного пространства писатель неоднократно декларирует непродуктивность идеи вдаваться в философию исключительно как в науку. Так, например, в одном из писем 1841 г. он предостерегает своего друга К.С. Аксакова, также чрезмерно увлекавшегося немецким идеализмом, от соблазна замыкаться в научном философском знании, советуя использовать его исключительно как ключ к пониманию окружающего мира.

Путь же к практическому применению науки всегда лежит через ее популяризацию - это глубокое убеждение Гоголя. У «головоломной» науки с ее точными определительными терминами, доступной только узкому кругу специалистов, способных понять ее трудный, немногословный, почти математический язык, нет перспектив развития без вмешательства людей, пусть менее одаренных интеллектуально, но зато способных сложнейшие идеи излагать общеупотребительным языком, доступным более широкой аудитории. К такому выводу Гоголь приходит в одной из подготовленной в 1836 г. рецензий для пушкинского «Современника».

В первой половине 1840-ых гг. в «Учебной книге словесности для русского юношества» Гоголь предрекает неуспех всякого изложения науки ходом немецкой философии. Ключевыми в гоголевских высказываниях о науке становятся категории «жизнь», «живой». Мысль должна «разрешаться» живым, знакомым миром, так как живой пример всегда сильнее абстрактного рассуждения. «Живая жизнь должна составить ваше учение, а не мертвая наука», - дает он педагогические советы П.В. Нащокину, сватая его летом 1842 г. наставником к сыну петербургского откупщика Д.Е. Бенардаки. Гоголь уверен, что на начальном этапе непременно необходимо пробудить любопытство учащегося, представить ему науку «в заманчивом проспекте». Так как без надлежащей подготовки «начало самой любимой науки» покажется обучаемому «черствым».

Публицистически проработанная Гоголем идея о том, что «всякая наука» должна непременно преподаваться «в соприкосновении с жизнью» [Гоголь, 1952: 75, 79, 560], находит свое художественное воплощение во втором томе «Мертвых душ» в образе учителя Тентетникова - Александре Петровиче, который способен «без педантских терминов, напыщенных воззрений и взглядов» передать «самую душу науки», чтобы «и малолетнему было видно, на что она ему нужна». Тема «науки и жизни» получает свое развитие в одном из сохранившихся черновых набросков. А именно, «науку жизни» Александр Петрович выделяет отдельным курсом воспитания для лучших учеников, от которых от требовал «высшего ума»: не того ума, который умеет подтрунить над дураком и посмеяться, но умеющего вынести всякое оскорбление, спустить дураку, не раздражиться». За обрывочной, спорной и, скорее всего, недоработанной дефиницией «высшего ума» скрывается сформировавшаяся и частично изложенная в «Выбранных местах из переписки с друзьями» (1847 г.) философия позднего Гоголя, которая, как нам представляется, должна была лечь в основу третьего тома поэмы. Гоголь выводит сугубо христианскую по своей сути формулу высшего ума - не надменно-критического, но смиренно-сдержанного. При этом, думается, автор вполне осознает ее утопичность: симптоматично, что Тентетникову не суждено было выслушать курс «науки жизни», так как учитель его скоропостижно скончался. А новые преподаватели вернулись к критикуемому Гоголем немецкому ходу изложения [Гоголь, 1951: 13-14, 28].

Представление о высшей науке жизни отождествляется у Гоголя с «наукой души человеческой» и все отчетливее звучит в переписке позднего периода с мировоззренчески близкими ему А.В. Вьельгорской, А.Г. Толстым, а также со А.О. Смирновой и П.А. Плетневым. И формулируется в следующих тезисах, созвучных евангельским заповедям: «делать добрые дела есть также наука»; «наука помогать и делать добро»; «наука угождать Богу во всем». Общим философским выводом становится безоговорочный постулат о том, что наукою и единственным занятием каждого должен сделаться человек и его душа, причем не в умозрительном плане, а в самом что ни на есть практическом [Гоголь, 1952: 368, 417, 522].

Как видим, проблема соотношения науки и жизни всегда интересовала Гоголя. Пути разрешения конфликта двух миров - научного абстрактного мира идей и мира практического, реальной жизни, которым крайне сложно найти точки соприкосновения, - Гоголь поначалу искал в контексте наукотворчества и личной преподавательской практики, затем продолжил разрабатывать в публицистических и художественных форматах. При этом писатель прошел через переоценку представлений о сущности науки: от идеалистического взгляда на ее абсолютную самодостаточность, через ее неперемное сближение с практической реальностью, к христианскому осмыслению, нивелирующему ее ценность в условиях отстраненности от духовной жизни человека. При этом единство гоголевских художественных и публицистических трактовок «науки и жизни» всегда было неизменно.

Источники и литература

- 1) Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. в 14-ти т. М., 1951. Т. 7. Мертвые души. Т. II.
- 2) Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. в 14-ти т. М., 1952. Т. 12. Письма, 1842—1845.
- 3) Манн Ю.В. Русская философская эстетика (1820—1830-е гг.). — М., 1969.